

Кара фотн Качъзедун

О Воѣне

7 - 8

Карл фон Клаузевиц

О войне. Части 7-8

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5311256

О войне (7-8) / Пер. с нем. А. К. Рачинского.: РИМИС; Москва; 2009

ISBN 978-5-9650-0064-7, 978-5-9650-0061-6

Аннотация

Карл фон Клаузевиц – выдающийся прусский писатель, полководец и военный теоретик. Труд фон Клаузевица «О войне» произвел переворот в теории войны. Его книга отличается яркостью, четкостью изложения, а также резкой критикой в адрес многих военных событий. В своей работе он отводит большое место политике, ее влиянию на ход войны, зависимости ее исхода от силы и слабости отдельных политиков и полководцев. Недаром его знаменитая фраза «война есть продолжение политики иными, насильственными средствами» сохраняет актуальность и по сей день.

Содержание

Наброски к седьмой части. Наступление	5
Глава I. Наступление по его отношению к обороне	5
Глава II. Природа стратегического наступления	8
Глава III. Об объекте стратегического наступления	13
Глава IV. Убывающая сила наступления	15
Глава V. Кульминационный пункт наступления	17
Глава VI. Уничтожение неприятельских вооруженных сил	19
Глава VII. Наступательное сражение	21
Глава VIII. Переправа через реки	24
Глава IX. Наступление на оборонительные позиции	30
Глава X. Наступление на укрепленный лагерь	32
Глава XI. Наступление в горах	35
Глава XII. Атака кордонных линий	41
Глава XIII. Маневрирование	43
Глава XIV. Наступление в болотах, затопленных пространствах и лесах	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Карл фон Клаузевиц

О войне. Части 7-8

©Издательство «РИМИС», издание, оформление, 2009

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Выражаем искреннюю благодарность семье Рачинских и лично Наталье Андреевне Рачинской за согласие на издание перевода, а также за помощь в подготовке книги к изданию. Выражаем благодарность Зое Геннадьевне Лисичкиной, помощнику директора Музея-усадьбы «Абрамцево», а также правнуку Саввы Ивановича Мамонтова – Сергею Николаевичу Чернышеву за помощь в работе над книгой.

Наброски к седьмой части. Наступление

Глава I. Наступление по его отношению к обороне

Если два понятия логически противоположны, то одно становится дополнением другого, так что по существу из одного проистекает другое, но если ограниченность нашего ума не позволяет нам одним взглядом окинуть их одновременно и найти благодаря одной лишь противоположности в целом одного целое другого, – то все же понимание одного достаточно освещает многие частности другого. И потому мы полагаем, что первые главы, посвященные обороне, бросают достаточный свет и на наступление во всех вопросах, которые они затрагивают. Но полностью они их не исчерпывают. Система нашего мышления никогда не может быть полностью исчерпана, и потому там, где противоположность не заложена столь непосредственно в самом понятии, как это было в первых главах, невозможно сделать непосредственные выводы, относящиеся к наступлению, на основании лишь того, что было сказано об обороне. К предмету нашего исследования нас приблизит новая точка зрения, по-

этому будет естественно рассмотреть с этой ближайшей точки то, что с более отдаленной мы не могли заметить. Таким образом, создается дополнение к системе нашего мышления, причем высказанное о наступлении бросит новый свет и на оборону. Следовательно, говоря о наступлении, мы большей частью будем касаться тех же вопросов, о которых говорили, разбирая оборону. Однако мы не имеем намерения, по примеру большинства учебников фортификации, излагая наступление, обходить или сводить на нет все положительные ценности, усмотренные нами в обороне, для доказательства того, что против каждого из средств обороны имеется надежный способ наступления. Это было бы противно природе предмета. Оборона имеет свои сильные и слабые стороны; если первые и можно преодолеть, то все же их преодоление обходится несоизмеримо дорого, это положение приходится признать бесспорным с любой точки зрения, чтобы не впасть в противоречие с самим собою. Далее, мы не намерены со всей тщательностью проследить за игрой состязающихся между собой средств, каждое средство обороны вызывает соответствующее средство наступления, но часто эти средства настолько однородны, что нет необходимости для их оценки переходить с точки зрения обороны к точке зрения наступления, одно из них вытекает само собой из другого. Наша задача заключается лишь в том, чтобы указать в каждом вопросе на особые условия наступления, поскольку они не вытекают непосредственно из обороны; а этот спо-

соб разработки нашего предмета неизбежно приведет нас и к некоторым главам, не имеющим соответственных в части, посвященной обороне¹.

¹ Часть 7-я труда Клаузевица представляет большей частью только наброски, главы IV, V и VI, затрагивающие глубочайшие вопросы наступления, представляют скорее программу-скелет, чем изложение затронутой темы, но приложенная в конце 7-й части черновая статья Клаузевица «О кульминационном пункте победы» в значительной степени восполняет этот пробел. Главы этого труда, трактующие вопросы оперативного порядка (VII, X–XII, XIV–XIX), представляют собой в настоящее время преимущественно исторический интерес. В стилистическом отношении первые семь глав 7-й части почти не обработаны, нет почти деления на абзацы, фразы отрывисты и скомканы, часто разделяются точкой с тире, знаменующей отсутствие связи в изложении. Эти недостатки немецкого текста наш перевод не стремился затушевать. Текст остальных глав 7-й части и всей 8-й части обработан Клаузевицем в достаточной степени. – *Ред.*

Глава II. Природа стратегического наступления

Мы видели, что оборона на войне вообще, а следовательно, и стратегическая оборона не является одним лишь выжиданием и отражением атак, т. е. не есть нечто абсолютно пассивное, а пассивное лишь относительно, и потому оборона более или менее проникнута началом наступления. Наступление также не представляет собою однородного целого и постоянно перемешивается с элементами обороны. Однако здесь имеется различие. Оборону без контрудара нельзя себе представить: контрудар – необходимая составная часть обороны. Не то при наступлении, в котором удар – нечто цельное и завершенное, оборона, как таковая, ему не нужна, и его приводят к ней, как к неизбежному злу, лишь условия пространства и времени, в которых протекает наступление. *Во-первых*, наступление не может быть продолжено в непрерывной последовательности до полного его завершения, оно требует остановок, и в течение этих перерывов, когда оно само оказывается нейтрализованным, естественно наступают состояние обороны. *Во-вторых*, пространство, которое оставляют позади себя наступающие войска и использование которого безусловно необходимо для их существования, не всегда бывает прикрыто самим наступлением и требует особой защиты.

Следовательно, акт наступления на войне, с точки зрения стратегии, вляется постоянной сменой и сочетанием наступления и обороны, причем оборона не должна рассматриваться как действительная подготовка к наступлению, повышающая его напряжение. Оборона при наступлении не представляет собою действующего начала, напротив, она – неизбежное зло, *тормозящее усилие*, вызываемое инертностью массы; оборона – это первородный грех, смертное начало для наступления. Мы сказали *тормозящее усилие*, так как оборона, ничем не способствуя усилению наступления, ослабляет его действие уже одной вызываемой ею потерей времени. Но не может ли оборона в качестве составной части всякого наступления наносить ему и непосредственный *ущерб*? После того, как мы установили, что *наступление более слаба, а оборона более сильна форма войны*, то, казалось бы, из этого следует, что оборона не должна вредно влиять на наступление, так как, пока еще хватает сил для *более слабой* формы войны, то, конечно, их будет достаточно и для *более сильной*. В общем, т. е. в главном, это верно, но насколько применимо в частности, об этом мы скажем в главе о кульминационной точке победы². Однако не следует забывать, что превосходство *стратегической обороны* отчасти проистекает из того, что наступление не может обойтись без примеси обороны, но обороны много более слабого рода. Наступление вынуждено влачить за собою самые худшие элементы обороны, о

² Набросок этой главы без номера в конце 7-й части. – *Ред.*

которых уже нельзя утверждать все то, что относится к обороне в целом, и потому становится понятным, что они могут стать началом, непосредственно ослабляющим наступление. Именно этими моментами слабой обороны, содержащимися в наступлении, и должна пользоваться оборона для положительной деятельности содержащегося в ней наступательного начала. Какая огромная разница в положении обороняющегося и наступающего, когда они во время двенадцатичасового отдыха, сменяющего дневной труд, находятся – первый на своей тщательно выбранной, хорошо знакомой ему, заранее подготовленной позиции, а второй – на походном биваке, куда он попал ощупью, как слепой; то же различие сохраняется и в период более длительной остановки, вызванной необходимостью организовать подвоз продовольствия, ожиданием подкреплений и т. д. В этих случаях обороняющийся извлекает пользу для себя из близости своих крепостей и складов, а наступающий живет, как птица небесная. Каждое наступление должно закончиться обороной, но какую форму она примет, зависит от обстановки. Последняя может быть или чрезвычайно благоприятной, если неприятельские силы уже уничтожены, или, если это не имело места, весьма затруднительной. Хотя такая оборона уже не является составной частью собственного наступления, все же ее свойства отражаются на наступлении и должны быть учтены при его оценке.

Общий вывод этого рассмотрения сводится к тому, что при всяком наступлении следует принимать в расчет и необ-

ходимо присущую ему оборону, дабы уяснить себе все невыгоды, с которыми оно сопряжено, и иметь возможность к ним подготовиться.

В зависимости от того, в какой мере используется начало выжидания, оборона представляет различные степени. В связи с этим нарождаются формы обороны, существенно друг от друга отличающиеся, как это уже сказано нами в главе о видах сопротивления³.

Так как в наступлении заключается только одно действующее начало и оборона в нем является лишь цепляющимся за него мертвым грузом, то в наступлении не может быть таких различий. Конечно, существует большое различие в энергии наступления, в быстроте и силе удара, но это различие только *количественное*, а не *качественное*. Можно допустить, что в единичных случаях наступающий, чтобы успешнее достигнуть поставленной цели, изберет форму обороны и, например, расположится на хорошей позиции и даст себя на ней атаковать. Однако подобные случаи встречаются весьма редко, и мы не будем считаться с ними в нашей группировке понятий, так как мы исходим из практического опыта, а не из исключений. Таким образом, наступление не может быть повышаемо в степени, как это имеет место в видах сопротивления.

Наконец, совокупность средств наступления сводится, как общее правило, к вооруженным силам: из крепостей на

³ Часть 6-я, глава VIII. – *Ред.*

наступление оказывают заметное воздействие только ближайшие к театру войны. Но это воздействие ослабевает по мере продвижения вперед, и понятно, что крепости наступающей стороны никогда не будут играть столь существенной роли, как при обороне, когда они часто приобретают важнейшее значение⁴. Содействие населения наступающему возможно только в тех случаях, когда жители сочувствуют ему больше, чем собственной армии. Наконец, у наступающего могут быть также союзники, но это отнюдь не вытекает из природы наступления, а является лишь результатом случайных обстоятельств. Итак, хотя крепости, народное ополчение и помощь союзников входят в совокупность средств обороны, но мы их не можем причислить к составу средств наступления; в обороне они являются вполне естественными, здесь же они встречаются редко и по большей части случайно.

⁴ Неспособность современных крепостей к длительному самостоятельному сопротивлению резко ослабляет их роль в обороне. В противоположность Клаузевицу, Шлиффен подчеркивал активное значение крепостей, имея в виду в особенности крепость Мец: «Смысл современных больших крепостей не в том, чтобы содействовать обороне. Напротив того, их смысл – способствовать наступлению и численно более слабой стороны, так как они позволяют использующим их армиям наносить внезапные удары в различные стороны и прикрывают их фланг и тыл». – *Ред.*

Глава III. Об объекте стратегического наступления

Цель войны – сокрушить противника; средство – уничтожение его вооруженных сил. Это верно как по отношению к наступлению, так и по отношению к обороне. Обороняющийся уничтожает силы противника, чтобы самому перейти в наступление, а наступающий – с целью овладеть страной. Таким образом, страна является объектом наступления, но не обязательно вся страна полностью: наступление может ограничиться захватом одной ее части, одной области, одного района, одной крепости и т. д. При заключении мира все захваченное может представлять большую ценность в качестве объекта приобретений или обмена.

Поэтому в качестве объекта стратегического наступления нужно представлять себе целый ряд бесчисленных ступеней, начиная от завоевания страны в целом и кончая занятием ничтожного местечка. Как только объект достигнут, наступление прекращается и начинается оборона. Из этого, казалось бы, следует, что можно рассматривать стратегическое наступление как определенно ограниченное целое. Но в действительности дело обстоит иначе. На практике намерения и мероприятия наступательного характера часто незаметно переходят в область обороны, так же, как и планы обороны – в наступление. Редко или, по крайней мере, не всегда полко-

водец точно намечает себе то, что он хочет завоевать, а ставит это в зависимость от развития событий. Часто наступление заводит его дальше, чем он предполагал; часто после более или менее короткого отдыха он движется снова вперед, с новой стремительностью, но у нас нет повода рассматривать эти два периода наступления как два различных акта. Иногда наступающий останавливается раньше, чем предполагал, но не отказывается при этом от всего плана наступления и не переходит к подлинной обороне. Итак, если успешная оборона может незаметно перейти в наступление, то с наступлением может случиться обратное. Эти оттенки наступления необходимо иметь в виду, дабы не сделать ошибочных заключений из того, что мы скажем о наступлении вообще.

Глава IV. Убывающая сила наступления

Мы затрагиваем здесь один из наиболее существенных вопросов стратегии; от правильного его разрешения зависит в отдельных случаях правильность суждения о том, чего мы в состоянии достигнуть.

Причины, ослабляющие абсолютную мощь, следующие:

1. Самая цель наступления, так как в нее входит стремление занять неприятельскую страну. Обычно ослабление появляется лишь после первого решительного сражения, после которого, однако, наступление не прекращается.

2. Потребность наступающей армии оккупировать территорию, остающуюся позади, дабы обеспечивать свои сообщения и изыскивать средства существования.

3. Потери в боях и от болезней.

4. Удаление от источников пополнения.

5. Осады или блокады крепостей.

6. Падение напряжения.

7. Отступничество союзников.

Этим ослабляющим причинам противостоят другие, способные усилить наступление. Ясно, что результат определяется только сопоставлением этих двух различных величин. Так, например, ослабление наступления может быть уравновешено, а иногда даже превзойдено ослаблением обороны.

Последнее, впрочем, встречается редко; при этом не следует принимать всегда в расчет все действующие вооруженные силы, а только те, которые противостоят друг другу впереди или на решающих пунктах. Примеры тому: французы в Австрии, Пруссии и России; союзники во Франции и французы в Испании.

Глава V. Кульминационный пункт наступления

Успех в наступлении есть результат действительного превосходства; мы разумеем, конечно, суммарное превосходство материальных и моральных сил. В предыдущей главе мы указали, что сила наступления постепенно истощается; может случиться, что превосходство сил при этом возрастает, но в громадном большинстве случаев оно уменьшается. Наступающий закупает ценности, которые, быть может, и принесут ему выгоду при заключении мира, но пока он расплачивается за них наличными, расходуя свои вооруженные силы. Если превосходство, хотя и ежедневно уменьшающееся с успехами наступления, все же сохранится до заключения мира, то цель достигнута. Бывали стратегические наступления, которые приводили непосредственно к миру, однако таковых меньше всего; большинство их доводило только до такого момента, когда сил как раз хватало на то, чтобы держаться в состоянии обороны и выжидать заключения мира. За этой точкой следует уже перелом, реакция. Сила такой реакции обычно значительно превосходит силу предшествовавшего ей удара. Этот переломный момент мы называем кульминационным пунктом наступления. Так как смысл наступления заключается в овладении неприятельской страной, то из этого следует, что продвижение вперед должно

длиться до тех пор, пока не истощится перевес; это-то и гонит наступающего к цели, но легко может завести и дальше. Если принять во внимание, из какого большого количества элементов слагается уравнение действующих сил, то станет понятным, как трудно в некоторых случаях определить, на чьей стороне находится перевес. Часто все висит на шелковой нити воображения.

Поэтому все сводится к тому, чтобы чутьем, при помощи обостренной интуиции, уловить кульминационный момент наступления. Здесь мы сталкиваемся с кажущимся противоречием. Оборона сильнее наступления; казалось бы поэтому, что последнее никогда не может завести слишком далеко, ибо до тех пор, пока слабейшая форма сохраняет достаточную силу, последняя будет тем более достаточной при переходе к сильнейшей форме⁵.

⁵ Здесь в рукописи следует: «Развитие этой темы – в статье о кульминационном пункте победы». Под этим заголовком сохранилась записка в папке с надписью: «Отдельные рассуждения как материалы». Эта записка, представляющая, по-видимому, обработку настоящей главы, здесь лишь бегло намеченной, помещена в конце 7-й части. (*Прим. издателя к 1-му и 2-му нем. изданиям*) Клаузевиц набрасывает здесь только скелет главы, и у читателя может возникнуть сомнение при чтении двух рядом стоящих фраз: бой – единственное средство уничтожения и бой – не единственное средство уничтожения, взятие крепости и оккупация территории ведут к тому же, вызывая моральное потрясение и пресекая источники пополнения противника. Это недоразумение разрешается тем, что Клаузевиц относит всякий территориальный выигрыш маневрирования за счет боя, не имевшего в действительности места вследствие уклонения противника (ч. 1-я, гл. II). – *Ред.*

Глава VI. Уничтожение неприятельских вооруженных сил

Уничтожение неприятельских вооруженных сил является средством достижения цели. Что разумеется под этим? Во что это обходится?

Возможны различные точки зрения по этому поводу:

а) уничтожить лишь столько, сколько того требует объект наступления;

б) или же столько, сколько окажется возможным;

в) щадить собственные силы – как основная точка зрения;

г) последнее начало может быть доведено так далеко, что наступающий будет предпринимать что-либо для уничтожения неприятельских сил лишь при благоприятных обстоятельствах, как это может иметь место и по отношению к объекту наступления, о чем уже было сказано в III главе.

Единственное средство уничтожения вооруженных сил противника – это бой, но притом двояким образом: во-первых, непосредственно и, во-вторых, косвенно, посредством комбинации боев. Следовательно, если бой – главное средство уничтожения, то все же не единственное⁶. Взятие кре-

⁶ Клаузевиц набрасывает здесь только скелет главы, и у читателя может возникнуть сомнение при чтении двух рядом стоящих фраз: бой – единственное средство уничтожения и бой – не единственное средство уничтожения, взятие крепости и оккупация территории ведут к тому же, вызывая моральное потрясение

пости или захват части территории уже сами по себе представляют разрушение неприятельских боевых сил, но они могут повести к еще более крупным последствиям, т. е. воздействовать косвенно.

Итак, занятие незащищенной части страны вне зависимости от непосредственного достижения намеченной цели может быть рассматриваемо как уничтожение неприятельских боевых сил. И с этой точки зрения следует рассматривать случаи, когда путем маневрирования заставляют противника очистить занятый им участок, что успехом оружия в точном смысле этого слова названо быть не может. Эти средства часто переоцениваются: редко они бывают равноценны выигранному сражению, но требуют мало жертв, а потому заманчивы; притом всегда следует опасаться невыгодного положения, в которое они могут поставить; они соблазнительны потому, что обходятся дешево.

На них надо всегда смотреть как на мелкие ставки, ведущие к грошовому выигрышу. Они соответствуют стесненным обстоятельствам и робким побуждениям. Но они, очевидно, предпочтительнее безрезультатных сражений, успех которых не может быть использован.

и пресекая источники пополнения противника. Это недоразумение разрешается тем, что Клаузевиц относит всякий территориальный выигрыш маневрирования за счет боя, не имевшего в действительности места вследствие уклонения противника (ч. 1-я, гл. II). – *Ред.*

Глава VII. Наступательное сражение

Сказанное нами об оборонительном сражении уже осветило многое в сражении наступательном. Мы тогда имели в виду такое сражение, где всего ярче выражена оборона, дабы вскрыть ее сущность; но подобного рода сражения редки, в большинстве же случаев сражения являются наполовину встречными⁷, и оборонительный характер в них значительно утрачивается. Иначе обстоит дело с наступательным сражением; оно сохраняет свой характер при всех обстоятельствах, выявляя его тем сильнее, чем меньше обратилась оборона к своей подлинной сущности. Поэтому и в не вполне выраженном оборонительном сражении и в подлинном случайном сражении всегда сохраняется некоторое различие в характере ведения сражения той и другой стороною. Главная особенность, отличающая наступательное сражение, — это охват или обход, предпринимаемые с началом сражения.

Очевидно, что наличие охватывающей линии фронта предоставляет для ведения наступательного боя большие преимущества; впрочем, это — предмет тактики. От этих преимуществ наступление не откажется из-за того, что оборона может применить против них соответствующее средство. Ведь для того, чтобы успешно охватить в свою оче-

⁷ Клаузевиц употребляет французское выражение «*rencontres*», которому придавал значение не встречного боя, а случайного. — *Ред.*

редь охватывающие части противника, обороняющийся должен расположиться на тщательно избранной и хорошо оборудованной позиции. Но для наступающего очень важно то, что в действительности (как показывает опыт всех времен) обороняющийся использует далеко не все выгоды, даваемые обороной; в большинстве случаев оборона представляет собою лишь жалкую попытку извернуться в положении весьма стесненном и опасном, когда она в предвидении наихудшего исхода сама идет навстречу наступлению. Последствием этого является то, что сражения с охватывающим или даже с перевернутым фронтом, которые по-настоящему должны были бы являться следствием выгодного соотношения коммуникационных линий, обычно представляют собою результат морального и физического превосходства (Маренго, Аустерлиц, Йена). Впрочем, наступление во фланг, т. е. сражение с перевернутым фронтом, более действенно, чем охватывающая атака. Представление, будто последняя с самого начала должна быть соединена с охватывающим стратегическим наступлением, как это было перед сражением под Прагой, является ошибочным⁸. Только в редких случаях одно бывает связано с другим, и вообще стратегическое охватывающее наступление – дело опасное. Об этом более подроб-

⁸ Эта мысль, направленная против увлечения маневрированием, не представляет окончательного мнения Клаузевица. В 8-й части главы IX Клаузевиц утверждает, что для достижения решительной победы путем охвата или сражения с перевернутым фронтом необходимо учесть нужные мероприятия уже в периоде развертывания. – *Ред.*

но будет сказано в главе о наступлении на театре войны. В то время, как в оборонительном сражении полководец стремится возможно больше оттянуть решение и выиграть время, так как оборонительное сражение, не решенное до захода солнца, обычно превращается в выигранное, – в сражении наступательном он имеет потребность ускорить решение. Однако с чрезмерной поспешностью связана большая опасность, так как она ведет к расточительному расходованию сил. Отличительной особенностью наступательного сражения является в большинстве случаев неведение о положении противника, вследствие чего наступательное сражение буквально представляет собой нащупывание в неведомой обстановке (Аустерлиц, Ваграм, Гогенлинден, Йена, Кацбах). А чем больше неизвестность, тем более важно сосредоточение сил, тем предпочтительнее обход охвату. Что главнейшие плоды победы пожинаются при преследовании, об этом сказано уже в XII главе 4-й части. По самой природе наступательного сражения преследование более родственно ему, чем сражению оборонительному.

Глава VIII. Переправа через реки

1. Значительная река, пересекающая линию наступления, представляет большие неудобства для наступающего, так как, переправляясь через нее, он обычно должен довольствоваться одним лишь местом переправы, и если не пожелает остаться у самой реки, то будет чрезвычайно стеснен в своих действиях. Если же он намеревается дать по ту сторону реки решительное сражение противнику или если он может ожидать, что противник сам пойдет навстречу, то он окажется перед серьезной опасностью; в подобное положение ни один полководец не поставит себя, если не располагает значительным моральным и материальным превосходством.

2. В связи с трудностями, встречаемыми наступающим, оставившим позади себя реку, для обороняющегося гораздо чаще создается возможность успешно оборонять реку, чем это было бы при отсутствии этих трудностей. Исходя из предпосылки, что обороняющийся не смотрит на защиту реки как на единственное средство спасения, а напротив, подготовился так, чтобы даже в случае неудачи обороны реки сохранилась возможность оказать сопротивление вблизи реки, наступающему приходится учитывать не только сопротивление, которое будет ему оказано после переправы, но и неудобства, упомянутые в предыдущем параграфе. Оба эти затруднения, взятые вместе, и вызывают в полководцах ту

опаску, которую они проявляют при наступлении на обороняемую противником реку.

3. В предыдущей части мы видели, что при известных условиях сама оборона реки обещает значительный успех, и опыт указывает нам, что в действительности этот успех бывает гораздо чаще, чем это предусматривает теория, так как последняя оперирует только реальными данными, в то время как наступающий, обычно представляя себе трудности более значительными, чем они являются в действительности, тем самым тормозит свою деятельность.

Если же речь идет о наступлении, не имеющем в виду решающего результата и производимом не со всепокрушающей энергией, можно смело утверждать, что при выполнении встретится множество мелких препятствий и случайных помех, предусмотреть которые теория не в состоянии, но которые будут направлены в ущерб наступающему; ведь он является действующим лицом, следовательно, ему и придется столкнуться с ними. Достаточно вспомнить, как успешно оборонялись незначительные сами по себе реки Ломбардии. Из истории же мы знаем примеры такой обороны рек, когда они, как средство защиты, не оправдывали возлагавшихся на них надежд; это объясняется переоценкой этого средства обороны, исходящей не из разбора тактических данных, а из упований на подтвержденную опытом действительность обороны рек, притом раздутую еще свыше всякой меры.

4. Но обороняющийся иногда ошибочно связывает всю

свою судьбу с обороной реки и ставит себя в такое положение, что ему грозит катастрофа при прорыве через реку. В этих случаях речная оборона может рассматриваться как весьма выгодная для наступающего форма сопротивления, так как легче прорвать оборону реки, чем выиграть обыкновенное сражение.

5. Из всего сказанного становится ясным, что оборона реки чрезвычайно целесообразна в тех случаях, когда решение не ожидается. Но в тех случаях, когда следует ожидать, что энергия противника или его подавляющее превосходство могут привести к решению, неправильно примененная оборона реки может приобрести положительную ценность для наступающего.

6. Лишь в немногих случаях при обороне рек обороняющийся не может быть обойден на всем защищаемом участке или на отдельном пункте реки. Поэтому наступающий, обладающий превосходством сил и стремящийся нанести решающий удар, всегда имеет в своем распоряжении средства, чтобы, демонстрируя их в одном пункте, переправиться в другом. Это позволит преодолеть невыгодные условия боя в первые моменты после переправы посредством численного превосходства и стремительности натиска, ибо превосходство в силах дает возможность осуществить все это. Таким образом, редко или, вернее, никогда не бывает подлинного тактического форсирования реки, при котором удалось бы подавляющим огнем и превосходящей храбростью отбросить

один из главных отрядов противника. Выражение «форсирование переправы» надо понимать всегда лишь стратегически, так как наступающий, хотя и переправляется на участке, слабо или вовсе не защищенном в пределах организованной линии обороны, все же идет на то, чтобы подвергнуться всем невзгодам, которые по расчетам обороняющегося должны сложиться для него из-за переправы. Худшее, однако, что может сделать наступающий, это действительно переправиться в нескольких пунктах, если только последние не расположены вблизи друг от друга и не допускают возможности совместных боевых действий: если обороняющийся должен по необходимости дробить свои силы, то наступающий, разделяя свои силы, отказывается от своего естественного преимущества. Именно вследствие этого Бельгард в 1814 г. проиграл сражение на р. Минчио, где оба противника случайно переправились через реку одновременно, причем австрийцы оказались более разбросанными, чем французы.

7. Если обороняющийся удерживается впереди реки, то, само собою разумеется, имеются два способа победить его стратегически. Первый – когда наступающий, невзирая ни на что, все же переправится где-либо на другой берег и обратит против обороняющегося его же оружие; второй способ – сражение. В первом случае решающее значение получает соотношение базирования и сообщений, хотя нередко бывает, что те или другие частные мероприятия приобретают более решающее значение, чем общие условия. Сторона, сумевшая

принять более выгодную группировку и лучше устроиться, добившаяся большей дисциплины, имеющая преимущества в подвижности и т. д., может с успехом бороться против общих условий. Что же касается второго способа, т. е. сражения, то он предполагает у наступающего наличие средств и решимости для ведения боя и соответствующую обстановку. Но при наличии этих предпосылок трудно ожидать, чтобы обороняющийся отважился на подобный способ обороны реки.

8. В конечном выводе приходится сказать, что хотя сама переправа через реку лишь в редких случаях представляет крупные затруднения, но всегда, если только нет стремления к решению, она внушает наступающему такие опасения за последствия и отдаленные возможности, что легко может его остановить. В этом случае наступающий или оставит противника в покое на его стороне реки, или, если переправится через реку, то все же от нее не отойдет. Чрезвычайно редки случаи, когда обе стороны долго остаются друг против друга на противоположных берегах реки.

Однако река имеет важное значение и тогда, когда стремятся к крупным решениям. Она всегда ослабляет наступающего и является ему помехой; наиболее выгодное положение создается для него, если река прельстит обороняющегося и последний решит использовать ее как тактический барьер, полагая в ее защите основную задачу своего сопротивления. В этом случае наступающему представляется возмож-

ность наилегчайшим способом нанести решительный удар⁹. Конечно, в первый же момент нельзя будет добиться полного разгрома противника, но решение сложится из отдельных успешных боев, которые поставят противника в чрезвычайно неблагоприятную обстановку, как это было с австрийцами в 1796 г. на Нижнем Рейне.

⁹ В настоящее время эволюция огнестрельного оружия, расширившая фронты, совершенно изменила основные данные проблемы обороны рек, и последние используются именно как тактический барьер. – *Ред.*

Глава IX. Наступление на оборонительные позиции

В части, посвященной обороне, достаточно разъяснено, в какой мере оборонительные позиции вынуждают наступающего или их атаковать, или отказаться от дальнейшего продвижения. Лишь те позиции, которые достигают этого, являются целесообразными и пригодными поглотить или нейтрализовать силу наступления полностью или частично. Наступление по отношению к такой позиции бессильно, т. е. у него нет средств уравновесить это преимущество обороны. Но не все оборонительные позиции действительно таковы. Если наступающий усмотрит, что он в состоянии достигнуть своей цели, не атакуя позиции противника, то атаковать ее было бы ошибкой. Если позиция препятствует достижению цели наступающего, то спрашивается – нельзя ли угрозой флангу противника заставить его покинуть свою позицию. Только после того, как это средство окажется недействительным, решаются атаковать хорошую позицию, и тогда атака во фланг обычно представляет меньше трудностей. Выбор того или другого фланга зависит от положения и направления путей отступления обоих противников, т. е. от возможности создать угрозу отступлению неприятеля или обеспечить свое. В отношении значительности той или другой возможности может возникнуть даже своего рода соревно-

вание, причем преимущество следует, естественно, отдавать возможности угрожать отступлению противника, так как эта угроза – характера наступательного, между тем как обеспечение собственного отступления есть оборонительное мероприятие. Но надо признать бесспорной и непреложной истиной, что *атаковать крепкого противника, занимающего хорошую позицию, – дело сомнительное*. Нет, правда, недостатка в примерах подобных сражений, притом удачно закончившихся, как Торгау и Ваграм (мы не упоминаем Дрездена, так как нельзя сказать, чтобы там был крепкий противник). Но в общем опасность для обороняющегося незначительна и во все отходит на второй план, если учитывать множество случаев, когда решительные полководцы пасовали перед такими позициями.

Но не следует смешивать случай, который мы имеем здесь в виду, с обычным сражением. Большинство сражений – простые встречные столкновения (*rencontres*), в которых одна сторона хотя и стоит неподвижно, но не на подготовленной позиции.

Глава X. Наступление на укрепленный лагерь

Некоторое время господствовало течение – отзываться с большим пренебрежением об окопах и их значении. Это пренебрежение питалось неудачным исходом целого ряда сражений, в которых оборона опиралась на укрепления: кордонные оборонительные линии на границах Франции прорывались не раз, герцог Бевернский потерял сражение при Бреславле в укрепленном лагере, австрийцы были разбиты при Торгау; наконец, победы Фридриха Великого, одержанные благодаря подвижности и с помощью наступательных средств, набросили тень на всякую оборону, на всякий неподвижный бой и в особенности на полевые укрепления. Нельзя, конечно, считать надежной оборону, когда немногие тысячи людей должны защищать протяжение в несколько миль, а укрепления представляют только окопы, обращенные рвом вперед; доверие к такой обороне к добру не приведет. Но разве не будет противоречием или, вернее, нелепостью желание распространить это утверждение на укрепления вообще, уподобляя себя этим (как это делает Темпельгоф) заурядному эскадронному командиру? К чему вообще нужны укрепления, если они не способны усилить оборону? Нет, не один только разум, но сотни и тысячи примеров показывают, что хорошо устроенное, занятое достаточными силами и храб-

ро защищаемое укрепление должно, как правило, считаться неприступным и соответственно рассматриваться и наступающим. Исходя из этого взгляда на значение отдельного укрепления, нельзя сомневаться в том, что атака укрепленного лагеря – задача крайне трудная и в большинстве случаев безнадежная.

Укрепленные лагеря по своей природе занимают слабые силы; однако в них возможно обороняться и против значительно превосходящих сил противника при наличии значительных естественных препятствий и хороших окопов. Фридрих Великий, несмотря на двойное превосходство сил, все же не решился атаковать лагерь у Пирны, и если впоследствии время от времени и утверждали, что лагерь можно было взять, то единственной опорой этого утверждения являлось крайне плохое состояние саксонских войск, что, конечно, не может служить аргументом против целесообразности укреплений вообще. К тому же весьма сомнительно, чтобы те, которые впоследствии считали эту атаку не только возможной, но и легко осуществимой, решились бы сами в действительности на нее.

Итак, мы полагаем, что атака укрепленного лагеря принадлежит к числу самых необычных средств наступления. Лишь в тех случаях, когда укрепления возведены наспех и еще не закончены, а имеющиеся препятствия еще недостаточно усилены; если весь лагерь, как это часто бывает, является лишь схемой того, чем ему надлежало бы быть; если он

представляет собой лишь полуготовую стройку, – только тогда атака может быть не только рекомендована, но и явится путем к легкой победе.

Глава XI. Наступление в горах

Чем являются горные пространства со стратегической точки зрения и каково их значение для обороны и даже для наступления, об этом с достаточной полнотой было сказано уже в V главе¹⁰ 6-й части и в последующих. Там мы пытались вскрыть ту роль, которую играют горы в качестве оборонительной линии, а из этого уже вытекает, как надо оценивать их значение с точки зрения наступающего. Таким образом, нам остается весьма немного сказать по этому важному вопросу. Главный наш вывод был тот, что на оборону гор следует смотреть с совершенно различных точек зрения в зависимости от того, идет ли речь о второстепенном бое или о генеральном сражении. Наступление в первом случае следует рассматривать лишь как неизбежное зло, так как все обстоятельства складываются против него; зато во втором случае оно имеет на своей стороне все преимущества и выгоды.

Таким образом, наступление, исполненное мощи и решимости дать сражение, отыщет своего противника в горах и наверное останется от этого в барыше.

Мы еще раз возвращаемся к этому вопросу, так как трудно ожидать, что наши выводы встретят сочувствие у аудитории: они кажутся противоречащими не только очевидности, но и опыту прежних войн. Действительно, мы в большинстве

¹⁰ Фактически главы XV, XVI и XVII. – *Ред.*

случаев до сих пор видели, что наступающая армия (ищет ли она генерального сражения или нет – безразлично) считала необычайным счастьем, если противник оставлял незанятым лежащее поперек ее пути горное пространство, и спешила предупредить его в этом. В этой поспешности никто не усмотрит чего-либо противного интересам наступления. Наступающий прав и с нашей точки зрения; все же в данном случае необходимо отдать себе отчет в сущности обстоятельств.

Армия, наступающая на противника с намерением дать ему генеральное сражение и имеющая впереди себя горное пространство, пока не занятое неприятелем, естественно, опасается, чтобы он в последний момент не опередил ее и не занял тех проходов, которые она имеет в виду использовать. Если бы опасения наступающей армии оправдались и обороняющийся занял горы в последний момент, когда направление наступления уже определилось, то наступающая сторона лишилась бы тех преимуществ, которые имеются у нее, когда противник занимает обычную горную позицию. Ведь он уже не будет столь неестественно растянут и не будет находиться в неизвестности о пути движения наступающего. С другой стороны, наступающий уже не сможет координировать выбор своего пути с расположением обороняющегося; таким образом, сражение в горах уже не будет соединено для него с теми преимуществами, о которых мы говорили в 6-й части; при таких обстоятельствах наступающий может натолкнуть-

ся на обороняющегося, уже успевшего занять неприступную позицию. В этих условиях в распоряжении обороняющегося оказалась бы возможность извлечь из своего расположения в горах значительные выгоды для генерального сражения. Конечно, это возможно; но не следует забывать о тех трудностях, которые возникнут для обороняющегося в связи с его попыткой устроиться в последний момент на хорошей позиции, которую он к тому же перед этим оставил совершенно незанятой. Поэтому приходится признать подобный способ обороны совершенно ненадежным, следовательно, случай, которого мог бы опасаться наступающий, *невероятен*. Но, несмотря на все его невероятие, вполне естественно, что его бояться, так как на войне многие опасения весьма естественны, хотя по существу и напрасны.

Но есть нечто другое, чего в подобных обстоятельствах может опасаться наступающий, – это оборона гор авангардом противника или цепью его сторожевого охранения. Хотя и этот способ лишь в немногих случаях будет отвечать интересам обороны, но все же при применении его наступающий не в состоянии разгадать, до какой степени будет доведено упорство обороны, и потому опасается всего худшего.

Высказанному нами мнению отнюдь не противоречит возможность существования позиции, являющейся благодаря гористому характеру местности совершенно неприступной. Такие позиции существуют и не в горах (Пирна, Шмотзейфен, Мейссен, Фельдкирх), и они особенно пригодны имен-

но потому, что находятся не в горах. Однако легко себе представить, что в горах возможно отыскать позиции, не представляющие обычных неудобств, встречаемых в горном расположении; таковы, например, позиции на высоких плоскогорьях, но подобные позиции крайне редки, а здесь мы можем иметь в виду лишь большинство случаев.

Как мало пригодны горы для решительных оборонительных сражений, это мы видим из истории войн. Великие полководцы всегда предпочитали давать решительные сражения на равнинах. На протяжении всей истории нельзя найти примеров решительных боев в горах, исключая войны революционные, когда ложная практика и злоупотребление аналогией заставляли пользоваться горными позициями и там, где следовало бы ожидать решительных ударов (в 1793 и 1794 гг. в Вогезах и в 1795, 1796 и 1797 гг. в Италии). Все осуждали Меласа за то, что в 1800 г. он не занял альпийских проходов; но эта критика непродуманная, мы готовы сказать – ребяческая, судящая по первому взгляду. Бонапарт на месте Меласа также не занял бы этих проходов.

Распорядок наступления в горах относится по преимуществу к тактике, но все же мы считаем нужным дать следующие указания по общему контуру этого распорядка, наиболее близко соприкасающемуся со стратегией.

1. В горах нельзя, как на другой местности, уклоняться с дороги и невозможно образование из одной колонны двух или трех в случае срочной надобности разделения массы на-

ступающих войск; так как войскам приходится быть втиснутыми в дефиле, то наступление должно вестись по нескольким дорогам, или, иными словами, более широким фронтом.

2. Против широко растянутой обороны в горах наступать, конечно, следует сосредоточенными силами; об охвате такой линии в целом и думать нечего. Достижения значительного боевого успеха надо добиваться скорее при помощи прорыва неприятельского фронта и оттеснения крыльев, чем при помощи охвата, угрожающего сообщениям. Быстрое, безостановочное продвижение вперед по главному пути отступления неприятеля является естественным стремлением наступающего.

3. Если же предстоит атаковать неприятеля в горах в менее растянутой группировке, то обходные движения явятся весьма существенной частью наступления, так как удары в лоб встретят наиболее сильное сопротивление обороняющегося, но обходы должны нацеливаться преимущественно на действительное отрезывание пути отступления неприятеля, а не на тактическую атаку с фланга или с тыла, так как при наличии у противника достаточных сил горные позиции даже с тыла в состоянии оказать большое сопротивление; при этом наискорейшего успеха надо ожидать от страха противника утратить путь отступления, если такое чувство удастся ему внушить. Эти опасения всегда проявляются в горах раньше и действуют сильнее, так как при плохом обороте дела в них не так-то легко проложить себе дорогу штыком. Од-

нако простой демонстрации здесь будет недостаточно; правда, ею можно заставить противника покинуть его позиции, но нельзя добиться значительного успеха; поэтому необходимо стремиться к тому, чтобы противник был действительно отрезан.

Глава XII. Атака кордонных линий

Когда оборона и атака кордонных линий должны привести к основному решению, то на стороне наступающего оказывается значительное преимущество, так как слишком большое протяжение обороны противоречит всем условиям успеха в решительном сражении еще в большей степени, чем непосредственная оборона реки или горного пространства. Примером могут служить Дененские линии принца Евгения Савойского 1712 г., потеря которых являлась вполне равноценной проигрышу сражения, а между тем Виллар едва ли одержал бы победу над Евгением, если бы последний занимал более сосредоточенное расположение. Оборонительные линии могут внушить уважение только в том случае, если наступающий не стремится к решительному сражению и притом линии заняты главными силами обороны; в этих условиях занятые в 1703 г. Людвигом Баденским Штольгофенские линии внушали почтение самому Виллару. Если же они заняты лишь второстепенной частью армии, то все будет зависеть от силы того отряда, который может быть использован против них. В большинстве случаев он встретит не слишком большое сопротивление, но, правда, и результаты победы редко будут особенно ценными.

Циркумвализационные линии осаждающего имеют свой особый характер, и о них мы будем говорить в главе о на-

ступлении на театре войны.

Все расположения кордонного характера, например, усиленная линия сторожевого охранения и прочее, всегда отличаются тем, что они легко поддаются прорыву, но когда прорыв не имеет целью дальнейшее наступление, чтобы добиться решения, то значение его невысоко и не окупает затраченных на него трудов.

Глава XIII. Маневрирование

1 Вопрос о маневрировании был уже нами затронут в XXX главе 6-й части. Хотя маневрирование присуще как наступлению, так и обороне, но все же оно ближе по своей природе к первому, чем ко второй, почему мы и охарактеризуем его здесь несколько подробнее.

2. Маневрирование свойственно не наступлению открытой силой с его крупными сражениями, а такому его осуществлению, которое непосредственно вытекает из средств наступления, например, из воздействия на неприятельские коммуникационные линии на его пути отступления, или из диверсий и пр.

3. Если придерживаться общепринятого словоупотребления, то под понятием маневрирования разумеется такого рода действие, которое вызывается до некоторой степени из ничего, т. е. из равновесия, каковое мы пытаемся нарушить, вовлекая противника на путь ошибок. Это – первые ходы на шахматной доске, борьба равноценных сил, имеющая целью создать благоприятный случай для успеха, чтобы, воспользовавшись им, утвердить свое превосходство над противником.

4. Надлежит обратить внимание на следующие существенные элементы, являющиеся отчасти целью, отчасти основой маневрирования:

а) Снабжение продовольствием, от которого пытаются от-

резать противника или в котором хотят его ограничить.

б) Соединение с другими отрядами.

в) Угроза связи противника с внутренними областями его страны или с другими армиями или отрядами.

г) Угроза линии отступления.

д) Нападение превосходными силами на отдельные пункты.

Перечисленные пять элементов могут до такой степени внедриться в самые мельчайшие частности данного положения, что последние приобретут превалирующее значение и на некоторое время подчинят себе все остальные интересы. Мост, дорога, укрепление начинают тогда играть первенствующую роль, и все значение их оказывается основанным лишь на их отношении к перечисленным элементам, что нетрудно доказать в каждом отдельном случае.

е) В результате удачного маневра наступающий, или, точнее, активная сторона (которой, конечно, может быть и обороняющийся), овладевает клочком территории, неприятельским складом и т. д.

ж) В стратегическом маневре мы встречаемся с двумя противоположностями, которые могут показаться особыми видами маневрирования, вследствие чего часто делали ложные выводы и создавали ошибочные правила. Хотя они представляют четыре члена, но в действительности мы имеем дело с составными частями одного общего целого. Первая противоположность – это охват и действие по внутренним ли-

ниями, вторая – сосредоточение сил и разброска их многими отрядами.

з) Что касается первой противоположности, то безусловно нельзя сказать, чтобы одна из ее двух частей имела принципиальное преимущество перед другой; понятно, что воздействие одной вызывает другую, противоположную, как естественный противовес, как самое подходящее противоядие. С другой стороны, охват однороден с наступлением, действие по внутренним линиям более соответствует обороне; поэтому первая часть чаще привлекает наступающего, а вторая – обороняющегося. Перевес будет на стороне той формы действия, которая используется с большим умением.

и) Также нельзя и во второй противоположности подчинить один ее член другому. Более сильная сторона может себе позволить разбросать свои силы по нескольким пунктам, что создает для нее во многих отношениях более удобные стратегические условия существования и действия, сберегая в то же время силы войск. Более слабая сторона должна держаться гораздо сосредоточеннее, а вытекающий отсюда ущерб ей следует предотвращать своей подвижностью. Эта большая подвижность предполагает высшую ступень умения совершать марши. Поэтому более слабой стороне придется больше напрягать свои физические и моральные силы. Вот последний вывод, с которым нам, конечно, постоянно придется сталкиваться, если мы будем оставаться последовательными; на него можно до известной степени смотреть

как на логическую проверку нашего рассуждения. Действия Фридриха Великого против Дауна в 1759 и 1760 гг. и против Лаудона в 1761 г. и действия Монтекуколи против Тюренна в 1673 и 1675 гг. всегда считались самыми искусными маневрами этого рода, и ими, главным образом, обосновывали мы наши суждения.

к) Мы уже предупреждали, что четыре части указанных двух противоположностей при неправильном их восприятии приводят к ложным выводам и положениям; мы предостерегаем также от переоценки таких общих условий, как база, местность и т. д., и от признания за ними решающего значения, какового в действительности они не имеют. Чем незначительнее интересы, за которые борются, тем большее значение приобретают отдельные подробности местности и данной минуты и тем дальше отходит на второй план все существенное и крупное, не находящее для себя простора в мелочных расчетах. Можно ли себе представить, если смотреть с общей точки зрения, ситуацию, более противоречащую здравому смыслу, чем положение Тюренна в 1675 г., когда он стоял спиной к Рейну на протяжении 3 миль с одним мостом для отступления на своем крайнем правом фланге? Тем не менее его мероприятия достигли цели, и потому справедливо признать за ними высокую степень искусства и разумности. Но этот успех и искусство становятся понятными лишь тогда, когда мы войдем во все подробности и придадим им то значение, которое они получили в данном част-

ном случае.

л) Мы убеждены, что для маневрирования нет никаких постоянных правил и что никакой метод и никакой общий принцип не могут служить для него указанием, но полагаем, что победа в борьбе достанется той стороне, которая проявит больше предприимчивости, точности, порядка, бесстрашия и дисциплины. Эти свойства и позволяют, главным образом, извлекать ощутительные результаты в таком состязании.

Глава XIV. Наступление в болотах, затопленных пространствах и лесах

Как мы уже упоминали, говоря об обороне, болота, т. е. непроходимые луговины, перерезанные только немногими плотинами, представляют особые трудности для тактического наступления. Ширина их почти всегда препятствует возможности прогнать артиллерийским огнем с противоположного берега противника и устроить переправу. Стратегическим следствием этого является стремление избежать необходимости атаки в болотах путем их обхода. Но в культурных условиях, встречающихся в некоторых местностях, где через болота проложено много проходов, хотя и может быть оказано относительно сильное сопротивление, но недостаточное для решающей обороны, и для последней болотистые пространства оказываются непригодными. Но если, по примеру Голландии, заболоченность почвы может быть усилена наводнением, то сопротивляемость обороны может быть доведена до непреодолимости, и всякое наступление в этих условиях потерпит крушение. Это доказала Голландия в 1672 г., когда после взятия французами всех расположенных вне линии затопления крепостей и занятия их гарнизоны у них осталось еще 50000 солдат, которые сначала под командой Конде, а затем Люксембурга оказались не в состоянии преодолеть линию наводнений, хотя последнюю защищало не

более 20000 человек. Если поход пруссаков в 1787 г. под начальством герцога Брауншвейгского против голландцев дал противоположный результат и эти линии были взяты почти при равенстве сил и с ничтожными потерями, то причину этого следует искать в разъединившем обороняющихся политическом положении и отсутствии единого командования. Но все же нет сомнения, что успех этого похода, т. е. прорыв наступающего через последнюю линию затопления до самых стен Амстердама, висел на волоске, а потому удача пруссаков не позволяет делать никаких заключений. Этим волоском явилось отсутствие наблюдения со стороны голландцев за Гаарлемским морем, что дало герцогу возможность обойти оборонительную линию и выйти в тыл голландцам у Амсельвена. Имей голландцы несколько кораблей на этом море, герцог никогда бы не дошел до Амстердама.

Какое влияние оказало бы это обстоятельство на условия мира, об этом здесь говорить не станем, но можно быть уверенным, что не было бы и речи о преодолении последней линии затопления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.